Дети блокадного Ленинграда в Ханты-Мансийском национальном округе: опыт милосердия в годы Великой Отечественной войны

Автор: Волженина С.Ю.

На тыл в годы войны ложится не только снабжение фронта продовольствием и боеприпасами, но и прием эвакуированного населения, промышленных предприятий, культурных и научных учреждений. Омская область, в которую Ханты-Мансийский национальный округ входил до 14 августа 1944 года, благодаря своему географическому положению за Уралом, стала одной из точек депортации и эвакуации населения.

Тема эвакуации детских домов в тыл активно изучается в последнее время, однако исследование архивных документов позволяет открыть новые грани этой истории, выявить аспекты, которые требуют дальнейшего анализа. Изучением этого вопроса в регионе занимаются исследователи из Нижневартовского государственного университета: Л.В. Алексеева, К.Г. Букренева. В основе настоящей публикации – работы исследователей и архивные документы Государственного архива Югры.

По данным исследователя М.В. Ходякова, в начале мая 1942 года началась подготовка к проведению очередного этапа эвакуации жителей Ленинграда. Военный совет Ленинградского фронта и Ленгорисполком внесли в Совнарком СССР предложение об эвакуации в весенне-летний период из Ленинграда 300 тыс. чел., в том числе детей (без родителей) — 25 тыс. чел.[21].

Исследователь Алексеева Л.В. уточняет количество эвакуированных в Омскую область детей: «С 19 августа по 15 сентября 1942 г. в Омскую область прибыло железнодорожным транспортом четыре эшелона с ленинградскими детьми. По данным на 7 октября 1942 г., в детдомах, размещенных в округе, был учтен 961 ребенок, на 16 октября – 944 чел.»[1].

Почему было принято решение о размещении детей в Ханты-Мансийском национальном округе, малопригодном для истощенных физически и морально,

переживших голодную и холодную зиму 1941 – 1942 годов в блокадном городе, больных детей? Их состояние подтверждает письмо председателю Ленсовета т. Попкову от детей из детского дома №79 (пос. Урманный Самаровского района): «Многих из нас до приезда на место носили на руках или водили под руки»[12].

Исследователь К.Б. Букренева считает, что это произошло вследствие того, что ресурсы Омской области по приему эвакуированных детей были исчерпаны. Омская область приняла 15 938 детей из Ленинграда, организованных в 94 детских учреждения, из которых 10 детских домов были отправлены в Ханты-Мансийский округ.

О том, как окружные власти готовились к приему детей, свидетельствует протокол заседания исполкома окружного совета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского национального округа №24 от 28 июля 1942 года, в котором исполком обязал «2. окрОНО и исполкомы Кондинского, Самаровского, Сургутского, Микояновского райсоветов и исполком поссовета срочно подыскать в указанных пунктах пригодные для размещения детей здания, произвести в них необходимый ремонт, подготовить оборудование, подобрать педагогический и технический персонал, заготовить потребное количество дров, необходимое на первое время количество продуктов питания и сообщить телеграфом о готовности к приему детей. 4. Обязать окрторготдел и окрпотребсоюз срочно дать указания райторготделам и РПС о забронировании необходимых для обеспечения эвакуированных детей продуктов и товаров»[6].

Ответственность за содержание детей перекладывалась на местные власти, было принято решение разместить детей ближе к сельскохозяйственным предприятиям для обеспечения продуктами.

Перенесших длинную дорогу детей (по свидетельствам детей их везли около месяца): через Ладожское озеро, потом поездом до Омска, из Омска – пароходами Нижне-Иртышского пароходства, разместили в 10 созданных в округе детских домах.

Фактически по состоянию на 7 октября 1942 г. в детских домах был размещен 961 чел.: пос. Урманный (Самаровский район) – 97 воспитанников, с.

Кедровый (Самаровский район) – 107 воспитанников, пос. Нялино (Самаровский район) – 100 воспитанников, пос. Большой Камень (Микояновский район) – 101 воспитанник, пос. Заречный (Микояновский район) – 94 воспитанника, пос. Лиственничный (Кондинский район) – 100 воспитанников, пос. Ягодный (Кондинский район) – 96 воспитанников, пос. Песчаный (Сургутский район) – 82 воспитанника, пос. Ямской (Сургутский район) – 112 воспитанников, пос. Черный мыс (Сургутский район) – 72 воспитанника [2,с.67].

Далее информация о жизни ленинградских детей основана на документах детского дома №79 пос. Урманный Самаровского района (фонд №197 КУ «Государственный архив Югры»).

Посёлок Урманный был образован в 1930 году ссыльными, которые работали в сельхозартели «Северный пахарь». Судя по документам фонда №88 КУ «Государственный архив Югры», артель была крепким хозяйством, члены которой занимались сельскохозяйственным производством, сбором дикоросов, рыбной ловлей, охотой. Протоколом №36 общего собрания пос. Урманный Елизаровского сельского совета Самаровского района от 9 сентября 1942 года, было принято решение: «встретить детей эвакуированных районов организованно, и для встречи детей по сбору средств провести подписку, по рыболовецкой бригаде поручить бригадиру Гуземику Н.Ф. По полеводческой бригаде полеводу Королеву Гр.В. и среди населения поселка поручить кассиру с/х артели Маклаковой Е.С. Собранные средства передать на питание детей»[20].

Детей разместили в 3 помещениях: школьного возраста – в клубе, дошкольного – в изолированном помещении школы. Третье здание отвели под столовую с кухней.

Далеко не все вопросы с размещением детей решались легко и своевременно. Решение исполнительного комитета окружного совета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского национального округа от 24 октября 1942 года №164 «О работе детДомов округа» содержит следующую информацию: «В

Урманном ДетДоме Самаровского района Детская спальня помещается в зале бывшего клуба, не имеющего перегородок, вследствие чего девочки и мальчики по существу помещаются в одной комнате. Самаровский райисполком затягивает разрешение вопроса об устранении этого недостатка. Все ДетДома, особенно в пос. Урманном, Ямской и Заречный не подготовлены полностью к зиме. Не обеспечены полностью подвезенным к зданиям топливом, керосином для освещения. До настоящего времени дети не имеют теплой обуви и частично теплой одежды, что создает угрозу невозможности регулярного посещения школьных занятий. Нормы снабжения детей продуктами, особенно молочными, полностью не обеспечиваются»[3]. Исполкомом было принято решение: «работники ДетДомов должны так построить свою работу, чтобы ребенок оставшийся без родителей или временно выбывший из семьи чувствовал себя как дома, чтобы был обеспечен чуткий, внимательный подход к каждому воспитаннику, воспитание их в коммунистическом духе»[4].

Архивные документы позволяют судить о повседневной жизни детского дома. Педагогический и административно-хозяйственный коллектив детского дома составляли 25 штатных работников, который возглавлял эвакуированный вместе с детьми Васильев Дмитрий Иванович (1895 года рождения, д. Бор Лужского уезда Петербургской губернии), по профессии преподаватель биологии и химии, окончивший Педагогический институт им. А. Герцена. Известно о нем немного, из сохранившихся документов понятно, что он поддерживал отношения с родственниками детей, решал вопросы из возвращения в родные и приемные семьи. Из Ленинграда в Урманный также приехали учителя Розенблат Евгения Юлиевна и Анна Федоровна, последняя некоторое время возглавляла сельскую семилетнюю школу.

Коллектив детского дома, по сути, стал для детей приемной семьей, в списке детей Урманного детского дома в графе «Сведения о родителях»[16] указано: отец в РКК, мать пропала без вести, мать умерла, родители умерли, мать в психиатрической больнице. Дети нуждались не только в решении

хозяйственных, бытовых, образовательных вопросов, но и в заботе и милосердии.

Централизованного финансирования детского дома было недостаточно, поэтому помогала сельхозартель, местное население, у детского дома было свое подсобное хозяйство. В объяснительной записке к смете на 1943 год директор детского дома пишет: «Мы имеем 2 лошадей, стадо свиней и обещают выделить 1-2 коров. Необходимы два мастера – сапожника и портной»[7]. В докладной записке Д.И. Васильева на имя секретаря Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) И.Е. Кулагина от 7 августа 1943 он пишет: «Инспектор Окроно М.А. Зданович обследовавшая нашу работу, предложила одеть и обуть всех детей к 20 августа (до начала учебного года). Без получения готовых штанов или материала на них мы не сможем реализовать требование инспектора. Для того, чтобы полностью обуть всех детей необходимо получить не менее 30 пар кожаной обуви»[2,с.206].

Однако, несмотря на все сложности, в письме председателю Ленсовета т. Попкову дети пишут, что «за полтора года у нас не только не было ни одного смертного случая, даже не было серьезных заболеваний»[13]. По данным исследователя К.Б. Букреневой, врач Пынзырь и фельдшер Корнеева ликвидировали среди детей кожные заболевания (распространена чесотка) и следили за их физическим развитием, что позволило ей сделать вывод, что это было лучшее медицинское обслуживание среди детских домов [2,с.113].

Тем не менее, последствия пережитого детьми в Ленинграде не могли исчезнуть бесследно. Примеров того, что дети болели «недетскими» болезнями, в документах достаточно много: Ноговицын Юрий 10 лет направлен Урманной больницей в Ханты-Мансийский окрздравотдел с диагнозом эпилепсия для направления в г. Омск на лечение [18]; Анисимова Людмила 14 лет «имеет осколочное ранение черепа, вследствие чего имеется недостаток правой теменной кости, неврастения в резкой степени»[17].

В переписке выжившие родственники ищут детей и обещают за ними приехать, тревожатся о состоянии их здоровья: «Получила также сведения, что

мальчик (Зайков Сергей Степанович – авт.) часто болеет и уже 2 раза лежал в больнице»[11]; «Мы в разлуке со своим сыном (Филей Зальцманом – авт.) уже полтора года и мы не находим и не найдем себе покоя до тех пор, пока он не будет с нами»[8].

Исполкомом окружного совета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского национального округа №24 от 28 июля 1942 года было принято решение: «3. предложить исполкомам Кондинского, Самаровского, Сургутского, Микояновского райсоветов и исполкому поссовета вести массово-разъяснительную работу среди трудящихся об усыновлении эвакуированных детей отдельными гражданами»[5]. Архивные документы содержат факты, подтверждающие интерес местных жителей к усыновлению детей. В записке В. Трофимовой от 4 августа 1943 года директору детского дома: «Сообщите, есть ли еще в детском доме дети–дошкольники, не имеющие родителей, т.к. желающих взять ребенка у нас здесь много»[19]. Однако, сведения о движении воспитанников за время с 1 января 1943 по 1 января 1944 годов свидетельствуют о том, что за год было передано родителям только 5 детей и усыновлено столько же [15].

Настроение у коллектива и воспитанников детского дома изменилось после снятия блокады 27 января 1944 года. Фронтовые письма дышат оптимизмом и нетерпением от предстоящей встречи с детьми: «Ленинград сейчас дышит свободно ибо сами знаете как мы фрицев вышвырнули от Ленинграда»[10].

Еще 6 февраля 1944 года воспитанники детского дома писали председателю Ленсовета т. Попкову о своем стремлении вернуться в Ленинград: «Мы обращаемся к Вам, т. Пятков с убедительной просьбой разрешить нам вернуться в родной Ленинград, чтобы там вместе с нашими родными и друзьями вступить в ряды трудящихся Ленинграда»[14]. Однако, реэвакуация детей началась в 1945 году: детей, которым исполнилось 14 лет, отправили обратно в Ленинград для учебы в фабрично-заводских училищах и

на восстановление города, остальных перевели в детские дома на юг Тюменской области.

Очевидно, что эвакуация не избавила юных ленинградцев от испытаний военного времени. Нелегкими были годы, проведенные детьми в тылу: материальные лишения, адаптация к другой социальной среде, однако, есть все основания считать, что это дало им шанс на жизнь.

Источники и литература

1. Алексеева, Л. В. Эвакуированное население в Ханты-Мансийском округе в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Алексеева // Известия Коми научного центра УРО РАН. – 2024. – № 2. – С.63–69.
2. Букренева, К. Б. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны : Специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Букренева Ксения Борисовна ; Нижневартовский государственный университет. – Нижневартовск, 2015. – 219 с.
3. КУ «Государственный архив Югры». Ф.1. Оп.1. Д.210. Л.197.
4. КУ «Государственный архив Югры». Ф.1. Оп.1. Д.210. Л.197об.
5. КУ «Государственный архив Югры». Ф.1. Оп.1. Д.210. Л.30-32об.
6. КУ «Государственный архив Югры». Ф.1. Оп.1. Д.210. Л.32-32об.
7. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.1. Д.2. Л.61.
8. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.1. Л.10.
9. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.1. Л.119.
10. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.1. Л.155об.
11. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.1. Л.54.
12. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.5. Л.106.
13. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.5. Л.106.
14. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.5. Л.107.
15. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.5. Л.113.
16. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.5. Л.157об-159.
17. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.5. Л.53.
18. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.5. Л.61.
19. КУ «Государственный архив Югры». Ф.197. Оп.2. Д.6. Л.13.
20. КУ «Государственный архив Югры». Ф.88. Оп.1. Д.5. Л.26.
21. Ходяков, М. В. Эвакуация населения и жилищный фонд Ленинграда в 1942 г. / М. В. Ходяков // Новое прошлое. – 2022. - №2. – С. 167 – 179. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-naseleniya-i-zhilischnyy-fond-leningrada-v-1942-g/viewer (дата обращения: 09.02.2025).